

ХАМИТОВ Назип,
*доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины,
Президент Ассоциации Філософського Искусства*

**ВОЖДЬ И ШАМАН
КАК АРХЕТИПЫ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ:
ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Мета-антропологический анализ

Фрагменты книги

1

В любом архаическом обществе мы найдем фигуры вождя и шамана. Используя язык метаантропологии, мы можем назвать их людьми предельного и запредельного бытия, которым противостоит обыденное большинство племени.

Вождь организует социальное пространство, поддерживает его структуры и обеспечивает экспансию, шаман дает этому имена и придает смыслы, *запуская социальное время* – побуждает общество развиваться, чтобы не застрять в прошлом.

Вокруг вождя складывается группа, состоящая из людей, способных входить в пограничные состояния *политического и боевого экстаза*; эта группа становится его дружиной или, выражаясь современным языком, – партией.

Вокруг шамана собираются люди, способные переживать *запредельные состояния* – состояния инсайта и катарсиса, требующие *когнитивного и креативного транса*.

2

Вождь – еще эхо животного царства с его вожаками стад и стай, появление шамана означает начало собственно человеческого бытия.

Шаман – это тот, кто придает смысл деятельности вождя и всех членов племени. Шаман не просто *оправдывает* то, что свершается людьми, он *направляет* их. Стратегичность в решениях вождя, которая передается племени, делая жизнь определенной и устремленной, задается именно шаманом.

Именно это делает фигуры вождя и шамана архетипическими для всего человеческого бытия – даже тогда, когда первобытный строй остается в далеком прошлом. Справедливо это и для XXI века. При этом очевидно, что шаман сегодня – это не просто политтехнолог, способный за деньги привести к победе на выборах, и даже не просто ученый-практик или влиятельный философ-публицист, обслуживающие вождя и его окружение.

Шаман – это человек, следующий зову свободы, звучащему из запредельного. И если он изменяет этому зову, то перестает быть шаманом...

3

Шаман не просто способен развернуть свои духовные практики на сообщество, он всегда делает это, оставаясь целеполагающим субъектом. В большинстве случаев не вождь управляет шаманом, а шаман – вождем. Во всяком случае, шаман полагает цели сам. Но это особенное целе-полагание, оно основано не на жажде власти, а на *смысло-полагании* – жажде смыслов и их творения.

Как *субъект смыслов* шаман влияет и на вождя, и на все сообщество – будь-то родовая община, корпорация, страна или союз стран.

4

Но что означает придание чему-то смысла или, как говорят, наполнение смыслом? Это процесс осознанного выхода за пределы наличного и повседневного, ставших обыденностью.

Главной характеристикой обыденности есть суета и забота, лишённые смысла. Обыденность – это омертвевшая корочка бытия, где уже нет смысла.

В той мере, в которой мы придаем чему-то смысл, мы всегда ломаем пределы обыденного. Таким образом, придание смысла, наполнение смыслом

– это во многом синоним трансцендирования – выхода за свои пределы в запредельное.

Итак, шаман сотворяет смыслы и внедряет их в сознательное и бессознательное членов сообщества, заставляя всех не просто двигаться-стареть во времени, но и изменяться во времени душевно и духовно, что означает побеждать старость как *человека*, так и *культуры* и прикасаться к Вечности.

Шаман сотворяет-внедряет смыслы через *завораживание* вождя и сообщества – он *вовремя* запускает в своих текстах фейерверки инсайтов и катарсических состояний. Поэтому шаман не просто творец смыслов; он творец *своевременных смыслов*, которые изложены завораживающим языком и увлекают за пределы обыденности.

5

В идеале шаман вдохновляет окружающих, пробуждая у них творческое воображение и иницируя на осмысленное творческое действие. А значит, шамана можно еще определить как вдохновителя сообщества.

Способность вдохновлять – главная тайна шамана.

6

Глубинное отличие вождя от шамана в том, что первый способен *стимулировать*, а второй – *мотивировать*.

Стимуляция – это всегда кнут и пряник в руках человека власти. Мотивация – воплощение способности вдохновляться и вдохновлять в сердце человека познания и творчества.

Стимул всегда находится вовне, мотив действует в глубине личности. Поэтому вождь склонен объективировать и депersonализировать окружающих, шаман вольно или невольно персонализирует их.

Стремление вождя к абсолютной власти, предполагающей депersonализацию и абсолютное подчинение, натывается на необходимость персонализации не только себя, но и определенного количества членов

племени, способных к осмысленной жизни *под воздействием мотивов, а не стимулов.*

Это заставляет вождя терпеть шаманов.

7

Чем мудрее вождь, тем больше он способен не просто терпеть, а *понимать шамана.* Стихия шаманического перестает быть внешней по отношению к нему, он сродняется с шаманом.

Но к туго натянутой нити понимания вождем шамана вновь и вновь приближается отточенный нож воли к власти...

8

И вождь, и шаман всегда взаимодействуют с обыденным большинством сообщества. Но если вождю и его дружине обыденное большинство нужно как *материал и инструмент* для увеличения власти, то шаман со своими учениками осознанно или бессознательно вводит обыденное большинство в предельные и запредельные *состояния*, которые поднимают над обыденностью и зовут в новое *бытие.*

Это задает глубинное противоречие в отношениях шамана и вождя. С одной стороны, они глубинно нуждаются друг в друге, с другой стороны, – отрицают друг друга...

9

Разрешая противоречие с шаманом, вождь может пытаться лишить его свободы, включить в свою дружину, сделать *своим* идеологом. Но это уничтожает в шамане *потенцию шамана*, духовно кастрируя и вождя, и все сообщество.

Столь же деструктивной является попытка шамана абсолютно контролировать вождя, подчинить своей духовной власти.

Вождь и шаман должны быть свободными партнерами – это условие плодотворного развития любого сообщества.

В своих высших предельных проявлениях вождь становится героем, а шаман наполняется гениальностью.

Причем эти предельные проявления могут длиться годами – выступать не просто *ситуациями* и даже не просто *состояниями*, а *бытием*.

При этом если вождь способен инициировать свое окружение на героизм, то мы вправе назвать его *героем героев*, а шамана, вдохновляющего на креативность с чертами гениальности – *гением гениев*. Однако история показывает, что такое нарастание-инициирование героизма и гениальности далеко не всегда бывает конструктивным и долговременным...

Поэтому запредельное бытие вождя и шамана, намекающее на нечто сверхчеловеческое, – всегда выплескивается за границы и вождя, и шамана. И, одновременно, требует всего лучшего, что есть у вождя и шамана.

Даже в героических и гениальных действиях вождя и шамана и в способности вызывать эти действия у других еще недостаточно того, что позволило бы назвать их сверхчеловеческими... И вождь, и шаман находятся еще в пределах «человеческого, слишком человеческого»...

Очевидна эволюция вождя к князю, царю, императору, президенту транснациональной корпорации, президенту страны или президенту клуба, в который входят президенты транснациональных корпораций и стран.

Эволюция шамана сложнее; она предполагает движение от архаического шамана не только к жрецу и священнику разных иерархий, но и к ученому, психоаналитику, публицисту, художнику и писателю.

Также очевидно, что не каждый президент поднимается до архетипа вождя и не каждый художник соединяется с архетипом шамана. Оставляя в стороне вождей-фюреров тоталитарных режимов XX века, мы можем допустить, что с архетипом вождя соединились, например, Александр Македонский, Чингиз-хан, Авраам Линкольн и Шарль де Голь, а с архетипом

шамана – Бенджамин Франклин, Федор Достоевский, Фридрих Ницше, Франц фон Штук, Сальвадор Дали и Герман Гессе...

12

Можно ли назвать вождя *человеком скуки*, скользящего по поверхности жизни и пытающегося властвовать над этой поверхностью, а шамана – *человеком тоски*, проникающего в глубину жизни до последних пределов и выходящего за них?

И да, и нет. Шаман, действительно, человек тоски, а вождь может быть как человеком скуки, властелином, так и движимым *тоской по запредельному* культурным героем.

Проблема лишь в том, что у шамана могут появляться нотки скуки, деструктивно смешиваясь с тоской, а среди вождей достаточно мало было людей тоски, которые могли бы смотреть за пределы ценности и смысла власти. При этом были вожди, соединившие тоску и скуку, и доходящие до состояний демонического властелина и пытавшиеся полностью подчинить себе шамана и даже поглотить его сущность.

Об этом мы поговорим дальше, а пока осознаем роль страха и ужаса в бытии вождя и шамана.

13

И вождь, и шаман пользуются страхом окружающих. Но если страх, вызываемый вождем – это страх за жизнь и карьеру, то страх перед шаманом часто приобретает предельные формы и становится ужасом.

Ибо шаман делает инъекцию смыслов, которые выводят из обыденности в предельное и запредельное. Ужас тут необходим для того, чтобы оторваться от обыденности. Однако подлинный шаман – шаман, следующий своему архетипу, – никогда не будет упиваться ужасом окружающих и делать из него орудие власти – своей или вождя.

Идя по этому пути, человек будет так же напоминать шамана, как падение напоминает полет.

Тут уместно осознать как темный, так и светлый путь вождя и шамана.

Первый – это путь абсолютизации манипулирования и власти человека предельного бытия над обыденным, их глубинная зависимость и замкнутость друг на друга.

Второй – это путь освобождения из круговорота обыденного и предельного в запредельное, где ужас побеждается любовью, а власть – свободой.

У вождя *почти* всегда есть тайная зависть к шаману. Пытаясь утолить ее, он может идти четырьмя путями.

Первый – превратить шамана в идеолога. Второй – сделать из него шута. Третий – назвать чудовищем. И, наконец, четвертый – *самому стать шаманом*. Или хотя бы *объявить* себя шаманом устами придворных.

В тоталитарных обществах XX века мы видим явные примеры этого: вожди являются на трибуны в масках шаманов. Они претендуют на создание высших смыслов и их воплощение в народном сознании и бессознательном. Вождям тоталитарных режимов недостаточно чувствовать себя кшатриями, им хочется быть брахманами.

Таковы фигуры Ленина, Сталина, Гитлера, Мао. Это не просто вожди, это шаманы, способные *завораживать народы*, пробуждая у них фанатическое следование цели.

Вожди-шаманы приносят своим народам огромные страдания и уходят из театра истории, хлопнув дверью, – порой драматически, но чаще трагически.

В авторитарных обществах объединение шамана и вождя в одной личности, как правило, не происходит. Там мы наблюдаем их разделение. Но и здесь возможно исключение: Фидель Кастро был вождем и шаманом

одновременно. Однако его шаманство не выплеснуло кубинский народ за пределы острова; авторитаризм так и не стал тоталитаризмом.

16

Выше было сказано, что зависть вождя к шаману может искушать превратить шамана в подвластного идеолога, а если это не удастся, обозначить его как шута или чудовище. Так часто бывает в тоталитарных и авторитарных социумах – унижая шамана, вождь присваивает его роль.

Самое интересное то, что в демократических обществах наблюдаем иную картину: *шуты и шоумены пытаются стать шаманами*, заворожив толпу окончательным пониманием и разоблачением больших и маленьких вождей, больших и маленьких *враждебных народов*.

На этом пути за некой роковой чертой они все больше могут превращаться в чудовищ. *Почти* комический публицист доктор Геббельс все больше становился чудовищем по мере того, как Германия утрачивала черты демократии.

17

Интересна и важна специфика мужчины и женщины в бытии вождя и шамана.

Нам легко представить мужчину-вождя, которого окружает сонм сексуально и душевно вдохновляющих его женщин. При этом мужчина-вождь естественно видится нам максимально мужественным в *поступках* и маскулинным в своем *телесном облике*.

А вот возможна ли женщина-вождь? Исторические примеры, подобные Жанне Д'Арк, заставляют ответить на этот вопрос утвердительно. При этом мы должны признать, что женщина-вождь, если она действительно *является вождем*, а не фигурой на троне, не просто становится мужественной, но и маскулинизируется – и в поведении, и в сексуальности. Женщина как вождь уже не женщина.

Личности женственной Клеопатры и любвеобильной Екатерины Второй только подтверждают правило – рядом с ними всегда были мужчины,

которые поддерживали трон. Вспомним Антония и Потемкина. Вспомним также, что до Екатерины Второй был Первый...

18

С ролью и бытием шамана иначе. Шаман и шаманка – не просто два разных имени одного и того же. Это *два разных способа быть*. Само наличие в языке слова «шаманка» намекает на это.

Шаман вступает в контакт с запредельным, вынося оттуда высшие смыслы, шаманка душевно смягчает их и делает доступными для сообщества.

Однако шаманка сама способна выходить в запредельное. Она выносит из запредельного *ценности*. Те высшие ценности, которые необходимы для принятия высших смыслов и вживания в них. Ведь лишь в единстве смыслов и ценностей человек способен действительно принимать их. Смыслы как факт духовности и ценности как проявление душевности нуждаются друг в друге как мужчина и женщина. Лишь их соединение рождает *духовные ценности* и *одушевленные смыслы*. Без этого любые смыслы и ценности становятся ядом для человека и человечества.

При этом шаманка способна еще и вдохновлять мужчину-шамана, поднимая ему обвисшие крылья, нужные для полетов в запредельное, – если им посчастливилось составить сотворческую пару...

19

Какие могут быть гендерные вариации в паре «вождь – шаман»?

Предыдущие размышления побуждают нас допустить в качестве наиболее типичного случая мужчину-вождя рядом с женщиной-шаманом. Возможно соединение мужчины-вождя с женщиной-шаманкой.

Мы можем увидеть женщину-вождя рядом с женщиной-шаманкой. Вероятно гораздо реже бывает ее союз с мужчиной-шаманом.

Однополые союзы вождя и шамана более типичны в истории. Но что является более плодотворным? Ответ остается открытым.

Можно предположить, что разнополюсы союзы вождя и шамана необходимы для критических и кризисных времен. Ибо разнополюсы вождь и шаман (шаманка) способны инициировать друг друга на обретение противоположного качества и на *большую* универсальность, без которой невозможно выжить в кризисном мире.

Вероятно, отсутствие таких разнополюсных союзов вождей и шаманов у тех или иных народов приводило к уничтожению и деградации этих народов, например, к утрате государственности...

20

Вождь и шаман могут иметь не только высшие социальные проявления, возглавляя и направляя сообщества. Они могут проявляться и у людей предельного бытия, не поднявшихся на вершины социальных пирамид.

Те в нашем мире, кто выходит за пределы обыденности, могут идти по пути вождя и пути шамана – по пути *воли к власти* и пути *воли к познанию и творчеству*.

В контексте экзистенциально-психологической совместимости мужчин и женщин, мы можем сказать, что соединение мужчины-вождя и женщины-вождя вряд ли будет продуктивным; естественно предположить бесконечную борьбу за власть и одиночество вдвоем.

Мужчина-вождь и женщина-шаманка могут составить весьма продуктивную пару, обмениваясь духовными и душевными возможностями, а не только сексуальными энергиями.

Женщина-вождь и мужчина-шаман до определенной черты могут составлять устойчивый союз, но в современной культуре, более того, в *современном бытии человека*, он является достаточно неестественным; этот союз будет плодотворным, если удастся предотвратить нарастание доминанты маскулинности женщины и феминности мужчины.

И, наконец, женщина-шаманка и мужчина-шаман могут составить весьма продуктивную сотворческую пару, где женщина будет осваивать ценности, а мужчина – смыслы; их совместное соединение в *целостность*

идей способно дать обществу новые духовные ориентиры, за которые общество готово будет очень хорошо платить. Важно только найти артефакты, в которых будет воплощаться сотворчество шамана и шаманки...

21

Можем ли мы назвать вождя и шамана *архетипами мужественности* в человеческом бытии?

Искушение ответить «Да» велико. Быть вождем или шаманом означает проявить предельное мужество перед лицом своего племени-нации-корпорации и внешнего мира.

Но это все же *не совсем* так. Уже то, что мы наблюдаем факт женщины-вождя и, главное, шаманки как носительницы ценностей и вдохновительницы как вождя, так и мужчины-шамана, заставляет говорить о проявлении в этих архетипах женственности в разных ипостасях и на разных уровнях.

Поэтому вождя и шамана стоит называть архетипами *как мужественности, так и женственности* – архетипами человеческого в самом универсальном смысле – *андро-гинными архетипами*.

22

Итак, мы можем сделать три важных вывода.

1. Вождь и шаман – это архетипы личностного бытия, пронизывающие тысячелетия и, не зависящие от биологического пола личности.

2. Потенциалом вождя или шамана обладает достаточное количество людей, вышедших за пределы обыденности в предельное бытие.

3. Вождь и шаман могут присутствовать в одной личности. Во всяком случае мы можем констатировать, что некоторые личности вида «хомо сапиенс» стремятся быть и вождем, и шаманом, имея устойчивую волю к такому соединению. Отсюда мы можем предположить, что личности нашего вида потенциально способны *быть* и вождем, и шаманом одновременно.

Выше мы увидели, насколько деструктивно это бывает. Возможно ли конструктивное соединение вождя и шамана во внутреннем мире человека – причем не только как ролей, но и как *предназначений*?

Очевидно предположить, что для человека обыденного бытия, наполненного лишь волей к самосохранению и продлению рода, *непостижимо* ни одно из этих предназначений. А потому *недостижимо*. И когда обыденный человек силою обстоятельств вынужден надеть маску вождя или шамана, это выглядит смешно и жалко. И когда появляется возможность сбросить эти маски, обыденный человек побыстрее делает это, избавляясь от трагикомической участи.

Принятие в себя вождя и шамана *даже на уровне ролей и масок* требует *особого* мужества. Это мужество появляется в предельном бытии, но часто имеет разрушительные и поистине чудовищные формы. Причем чудовищность этих форм рождается желанием соединить в себе вождя и шамана, которое рано или поздно является в предельном бытии.

Соединение вождя и шамана в пространстве предельного бытия может идти двумя путями. Если в предельное бытие человека выбрасывает воля к власти, действующая, словно катапульта, он стремится надеть сверху на лицо вождя еще и маску шамана. Когда же человека изначально движет воля к познанию и творчеству, он наоборот, на лицо шамана натягивает маску вождя...

Соединение, сращивание масок вождя и шамана в предельном бытии человека глубоко закономерно и чаще всего глубоко разрушительно.

При этом мы можем допустить, что человека в этом случае движет нечто большее, чем воля к абсолютной власти, это еще и воля к *сверхчеловеческой целостности*, в которой соединяются героизм вождя и гениальность шамана. Конструктивность этой воли в пространстве человеческого бытия, вероятно, во многом задается служением женщины-шаманки, предлагающей высшие ценности миру мужчин и одушевляющей высшие смыслы.

Двигаясь по пути этой воли, человек покидает лабиринт предельного бытия и выходит в запредельное, в котором эгоцентрическое творчество вождя и шамана и их конфликт в личности и отношениях между личностями становятся *сотворчеством*.

23

Воля к сверхчеловеческой целостности, в которой соединено бытие вождя и шамана, охватывает все времена и народы без исключения. Она не делает различий ни в возрасте, ни в поле.

Но кто способен конструктивно вместить в свою личность такую целостность? Мы можем предположить единство вождя и шамана в философе – уже потому, что он способен подняться в осознании над каждым из них, встать на мета-позицию. Философ способен подниматься мыслью над вождем и шаманом и в то же время *быть* только шаманом – как это случилось с Ницше, а порой превращаться в вождя – как это произошло с Марксом...

Может ли философ соединить вождя и шамана не только в мышлении, но и в бытии? Доступна ли философу такая сверхчеловеческая целостность?

Может подобную целостность способна вместить лишь *сотворческая пара философов*, единая не только духовно, но и душевно, и телесно – андрогинная пара мужчины и женщины, в которой любовь к мудрости едина с любовью эротической?

И если да, то означает ли это запредельное изменение бытия и вождя, и шамана, более того, *всего человеческого бытия*?

Эти вопросы еще ждут своих ответов...